

**НЕ СОХРАНИВШАЯСЯ НАПЕРСНАЯ ИКОНА
ЦАРЯ ФЕДОРА ИВАНОВИЧА:
О ТРУДНОСТЯХ АТРИБУЦИИ
В СОВРЕМЕННОМ ИСКУССТВОВЗНАНИИ**

Мария Александровна Маханько

кандидат искусствоведения

Церковно-научный центр «Православная энциклопедия»

Редакция Церковного искусства и археологии

Аннотация. Статья посвящена не сохранившейся «воротной иконе» — панагии с камеей на яшме в золотой оправе, в конце XVI и в течение первой половины XVII в. находившейся в царской казне. Сведения о ней дошли из двух письменных источников, фрагмента описи 1611 г. царской казны и описи Образной палаты царского дворца середины XVII в. Упоминания изображений на яшме и обороте золотой оправы позволяют предположить, что она была сделана для царя Федора Ивановича, наследника царя Ивана Грозного. Сравнение с сохранившимися панагиями русских царей и их наследников, а также церковных иерархов второй половины XVI в., позволяет уточнить обстоятельства, вызвавшие создание не сохранившейся панагии царя Федора, дополняет корпус московских произведений с патрональными изображениями позднего средневековья, а также добавляет сведений по истории царских художественных мастерских эпохи Грозного.

Ключевые слова: панагия (воротная икона), царь Федор Иванович, царь Иван Грозный, царь Борис Годунов, ювелирное искусство, золото, прикладное искусство, письменные источники, Московский двор, патрональные святыне.

В 2018 году в ЭНОЖ «История» нами была опубликована работа «Наперсная панагия Константинопольского патриарха Иеремии

I московской работы 1589 г.: Не сохранившаяся инсигния от эпохи учреждения в России Патриаршества»¹. Основываясь на сведениях письменных источников эпохи Смуты и раннего периода правления Михаила Федоровича Романова, мы предположили, что накануне учреждения на Руси патриаршества в московских кремлевских мастерских (Оружейной палате?) была изготовлена наперсная икона с геммой (камеей на яшме) на лицевой стороне, несущей резное изображение царя Константина и с черневыми фигурами святых Федора Стратилата и пророка Иеремии на обороте золотой оправы с драгоценными разноцветными камнями (сапфир, изумруд, красный «лал») (скорее всего, рубин или гранат) и жемчугом. Необычным было сочетание образов святых: равноапостольного императора, а также святых, которые опознавались как покровители имен русского царя и Константинопольского патриарха, Иеремии II. Сложная технология глиптики, использование золота и камней для обрамления представлялись характерными для памятного подарка или скорее предмета церемониала. Присутствие изображений патрональных святых потребовало обращения к сохранившимся наперсным иконам и панагиям, созданным для членов царской семьи и церковных иерархов. Сопоставление сохранившихся предметов этого типа XVI – начала XVII вв. и сведений о не сохранившихся из письменных источников и документов показало, что начиная с царя Ивана Васильевича Грозного каждый из русских государей имел подобную икону-панагию, сходные иконы-мощевики создавались для цариц и с определенного момента для Московских патриархов и митрополитов. Все эти факторы дали возможность выдвинуть гипотезу, что не сохранившаяся золотая наперсная икона с камеей на зеленой яшме предназначалась для поднесения Константинопольскому патриарху Иеремии II в случае его переезда в Московскую Русь и принятия им сана «патриарха

1. *Маханько М.А.* Наперсная панагия Константинопольского патриарха Иеремии II московской работы: Несохранившаяся инсигния от эпохи учреждения в России Патриаршества // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. Выпуск 3 (77) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <https://history.jes.su/s207987840004617-7-1/> (дата обращения: 08.10.2019). DOI: 10.18254/S207987840004617-7.

Владимирского», искусственного титула, позволявшего возвысить до вселенского масштаба церковную иерархию Московской Руси и сохранить автономное положение митрополита Иова как Московского предстоятеля при патриархе-греке. Автора не смутила нехарактерная для средневековья торопливость в попытке закрепить церковно-политическое событие, еще не ставшее частью мировой истории, в сакральной изобразительной формуле. Слабым местом гипотезы оставалось отсутствие связи между фигурами святых на яшмовой иконе, из которых только один был покровителем Русского государя: воин-великомученик Феодор Стратилат, «ангел» царя Федора Ивановича, родившегося 31 мая 1557 года, — в то время как пророк Иеремия на первый взгляд не имел отношения к царю Федору, а потому должен был патронировать иное историческое лицо, саном равное государю.

Между тем, благодаря публикациям коллег-источниковедов, специализирующихся на исторической ономастике, противоречие последнего предположения представляется совсем в ином свете. В совместной публикации А.Ф. Литвиной и Ф.Б. Успенского, отразившей результаты проекта «Символическое поведение в Средние века и раннее Новое время» (НИУ ВШЭ, 2018), была подробно проанализирована ситуация двуименности как самого царя Федора Ивановича, так и его супруги Ирины Федоровны Годуновой². Обратившись к документам и письменным источникам, учитывая сохранившиеся и упомянутые в литературе произведения изобразительного и прикладного искусства, связанные с царской семьей, исследователи показали, что другим, непубличным именем царя Федора Ивановича было имя апостола Ермия, день памяти которого совпадал с днем рождения будущего наследника Грозного. На этот же день приходилось празднование мученика Ерма, однако современники царя Федора точно осознавали как патронального святого царя именно апостола от 70-ти. Ему были посвящены: престол в Феодоровском Переяславском монастыре, где родился Федор Иванович, изображения на царских вкладышах, например на золотом кадиле 1598 года, вложенном вдовой царя в Архангельский со-

2. Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. К уточнению имен и дат в семье царя Федора Ивановича // ДРВМ. 2019. № 1. С. 61–66.

бор Московского Кремля, дробница на фелони 1602 года, вложенной туда же. На день его памяти была назначена церемония венчания на царство Федора Ивановича, как царского соименника «богозрителю Иереміови», как упоминает в своем Временнике Иван Тимофеев³. При этом источники демонстрируют разнообразие написания (и произношения) имени царского «ангела»: Иеремя (Соловецкий летописец), Еремий (ПСРА. т. 29. С. 220), «...ъ хвь еръми = [апостола]ъ Х[ристо]въ Ерми[и]» (надпись на кадиле 1598 года из Архангельского собора), Еремеи (надпись на лицевой дробнице с фелони 1602 года). Наличие формы имени апостола Ермия, близкой или идентичной форме имени пророка Иереми, уже вводило в заблуждение исследователей, в том числе источниковедов, что было отмечено авторами статьи и обосновано также присутствием в московской истории эпохи царя Федора личностью Константинопольского патриарха Иеремии II⁴. Не исключено, что оно вводило в заблуждение и московских чиновных писцов будь то в 1611, будь то в 1669 году; они называли черневые фигуры на обороте наперсной иконы с яшмовой камеей как «мученик Христов Федор да пророк (подчеркнуто нами — М. М.) Еремей»⁵, «Феодор Стратилат да пророк Иеремеи»⁶.

Проделанная коллегами работа позволяет отказаться от идеи, что для константинопольского иерарха предназначалась какая-либо наперсная икона, сделанная в Москве в 1589 г. Сведения о не сохранившейся иконе в золотой оправе с резной зеленой яшмой относятся к произведению, которое должно было сопровождать царя Федора Ивановича и никого другого. Приведенные краткие отрывочные известия московских документов добавляют еще один артефакт, связанный с явлением христианской двуименности в культуре Московского царства конца XVI – начала XVII в. и царя Федора, в частности. Исключительный и элитарный характер произведения, не сохранившегося или остающе-

3. Там же. С. 62–63.

4. Там же. С. 63. Примеч. 10.

5. *Забелин И.Е.* Домашний быт русских царей и цариц в XVI и XVII столетиях. М., 2003. Т. 3: Материалы. С. 600, 601.

6. *Успенский А.И.* Церковно-археологическое хранилище при Московском дворце в XVII в. // ЧОИДР. 1902. Вып. 3. С. 44.

гося не выявленным в коллекциях отечественных музеев, обладающих предметами из царских собраний (Эрмитажа или Музеев Московского Кремля), указывает на устойчивую традицию, связанную не с установлением патриаршества на Руси, а с развитием типологии государева церемониала, инсигний и платья, сопровождавших государевы выходы. Эти явления были частью возрождения византийских традиций, придворного этикета и царского статуса, актуального на протяжении всего XVI в., эпохи прирастания территорий, дипломатической борьбы за титул русского государя; актуального как во времена великого князя Ивана III Васильевича, взявшего в жены наследницу византийских василевсов и правившего первые пять лет этого столетия, так и в период правления первого выборного царя Бориса Годунова, которому спустя сто лет необходимо было удерживать государство, занимавшее значительные пространства в двух частях света.

В свете гипотезы о том, что золотая наперсная икона с геммой-яшмой была предназначена царю Федору Ивановичу, получает особый интерес резной образ на ней царя Константина. В более раннем документе 1611 г. он один отмечен среди изображений на камне-гемме. В описи Образной палаты сказано, что фигуры на яшме вырезаны три, и одна из них — Константин. Нет полной уверенности, что он был представлен без своей матери, также равноапостольной императрицы Елены⁷, как нет уверенности в том, что фигуры царя Константина и еще двух святых не иллюстрировали день совместной памяти равноапостольных царей и обретения ими Креста Господня 21 мая. Скорее всего, царь Константин предстал святым покровителем православного государя как образец для его земной жизни и заступник в веке будущем. В сочетании с патрональными святыми царя Федора, св. воином Федором Стратилатом и апостолом Ермием — «Иеремией», драгоценностью исполнения наперсная икона оказывается произведением-молением за правителя и могла быть создана к дню венчания на царство царя Федора Ивановича, 15 мая 1584 года.

7. В числе панагий и наперсных икон Образной палаты в описи 1669 года упоминается панагия с резным камнем, красным корольком, в серебряной оправе, на оборотной стороне которой находились образы трех святых жен, в том числе царицы Елены, без царя Константина: Там же. С. 43.

О том, что драгоценные панагии, в программу лицевых украшений которых были включены предметы с образами личных покровителей, предназначались для венчания на царство или иной церемонии возведения на престол — уже заявлялось исследователями при атрибуции драгоценных произведений московской торевтики и искусства «малых форм». Таково было мнение М.М. Постниковой-Лосевой, опубликовавшей золотую панагию с камеей на сардониксе, украшенном фигурой пророка Иоанна Предтечи в изводе Ангела пустыни (крылатого) на лицевой стороне (Илл. 1); по мнению исследовательницы, она была сделана по случаю коронации государя к февралю 1547 г.⁸, эта точка зрения повторяется и в новейших выставочных изданиях⁹. Однако с этой атрибуцией М.М. Постниковой-Лосевой были согласны не все исследователи, особенно занимавшиеся предметами малых форм, исполненных в придворных мастерских. М.В. Мартынова указывала как на более вероятную датировку для нее — вторая половина XVI в.¹⁰ Иконографические особенности резного образа крылатого пророка на сардониксе и его стиль близки другим патрональным образам царя Ивана, особенно созданным в 1560-е годы¹¹. Рассмотрению этой камее и еще нескольких, сохранившихся в ГММК и ГЭ, как произведений одной мастерской, объединявшей греческих и западноевропейских мастеров, посвящена обстоятельная статья И.А. Стерлиговой¹².

Из той же описи Образной палаты известно, что именно эта панагия занимала первое место среди драгоценных наперсных икон,

8. *Постникова-Лосева М.М.* Три камее Государственной Оружейной палаты // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник, 1975. Л., 1976. С. 222–228.
9. *Вера и власть: Эпоха Ивана Грозного: Каталог выставки в Музеях Московского Кремля / Авт.-сост. Т. Е. Самойлова. М., 2007. Кат. 33. С.94–95.*
10. *Мартынова М.В.* Московская эмаль XV–XVII вв.: Каталог. М., 2002. С. 45.
11. *Маханько М.А.* Икона «Иоанн Предтеча Ангел пустыни» конца XIV в. из Коломны (ГТГ) и образ царского ангела в грозненском искусстве // Коломна и Коломенская земля: История и культура. Коломна, 2009. С. 190–229; *Пуцко В.Г.* Византийский образец в московской иконописи XVI в. // Кадашевские чтения. М., 2017. Вып. 20. С. 198–206.
12. *Стерлигова И.А.* Панагии русских государей XVI столетия с иконами-камеей: К истории искусства глиптики в средневековой Руси // Московский Кремль XVI столетия. Древние святые и исторические памятники. М., 2014. Кн. 2. С. 332–353.

панагий, мощевиков в комнатах (личных покоях) царя¹³. С личным покровительством именно царю Ивану IV Васильевичу связаны другие особенности ее декора: фигура апостола Тита на золотой створке-«дщице», еще одного покровителя царя Ивана по дню рождения (25 августа)¹⁴. Створка с небесным патроном дня рождения царя Ивана закрывала внутреннюю полость панагии, служившую мощевиком. Она имела целый набор вложенных святынь, о которых сообщают черневые подписи на золотой «дщице», разлинованной на шестнадцать прямоугольных сегментов¹⁵.

К тому же времени, что и панагия с крылатым Предтечей, Постникова-Лосева относила еще два резных сардоникса, служивших некогда «сердцевинами» панагий. Лишь панагия с крылатым Предтечей сохранилась в первоначальном драгоценном уборе, две другие существуют ныне в виде отдельных камей, без оправы. К XIX в. все три находились в Патриаршей (позднее Синодальной) ризнице. Там они почитались именно как панагии, наперсные иконы, принадлежавшие предстоятелям Русской Церкви, митрополитам, современникам царя Ивана Грозного. Панагия с образом Богоматери Воплощение (на сардониксе (Илл. 2)) и мощами, в том числе частицами Страстей Господних, наиболее крупная из всех трех, принадлежала, по подписи в публикации архиепископа Саввы¹⁶ и по атрибуции современных специалистов, митрополиту Иоасафу Московскому (1539–1542)¹⁷. Интересно, что фигура Богоматери изображена в рост, что позволяет называть ее Орантой и видеть в ней повторение древних, возможно, византийских образцов.

13. Успенский А.И. Церковно-археологическое хранилище. С. 39.

14. Там же.

15. Опубликовано: Постникова-Лосева М.М. Три камей. С. 227; Христианские реликвии в Московском Кремле / Авт.-сост. А.М. Лидов, И.А. Стерлигова. М., 2000. С. 30; Стерлигова И.А. Панагии. С. 339.

16. Савва (Тихомиров), архиеп. Указатель к описанию Синодальной (Патриаршей) ризницы. М., 1863. С. 6. Табл. II. № 9. Прежде того была воспроизведена по рисунку Ф.Г. Солнцева в изд.: Древности Российского государства, изданные по высочайшему повелению имп. Николая I. М., 1849. Отд. 1. Рис. № 111.

17. Пятницкий Ю.А. Панагия с камеей «Преображение» // Византия и византийские традиции: Сборник научных трудов к XIX Международному конгрессу византинистов 19–28 августа 1996 г. СПб., 1996. С. 138; Вера и власть. Кат. 60. С. 148–149 (с библиографией); Стерлигова И.А. Панагии. С. 344.

Камея с образом прп. Иоанна Лествичника входила некогда, как полагают, в состав панагии митрополита Макария (1542–1563), преемника митрополита Иоасафа (Илл. 3). Однако для точной атрибуции (с учетом исследований феномена двуименности в семье царя Ивана Грозного) оказываются важны изображения на ее обороте: это фигуры святителя Марка, епископа Арефусийского, и св. диакона Кирилла¹⁸. Память этих святых празднуется 29 марта¹⁹. Учитывая привязку патрональных святых к церковному календарю, можно уверенно полагать, что имел значение именно этот день. В этот день праздновался день рождения старшего наследника царя Ивана Васильевича, царевича Ивана Ивановича, который при имянаречении получил в качестве небесного покровителя прп. Иоанна Лествичника, игумена Синайского. В описи келейной казны патриарха Филарета Никитича (1631) упоминается панагия «на перелефти» с Иоанном Лествичником («Списателя Лествицы»)²⁰. Краткое описание ее оправы схоже с воспроизведением на литографии 1863 г., иллюстрирующей труд архиепископа Саввы; сходен и термин «перелефть», использованный для нее и для панагии с крылатым Предтечей на камее (панагии царя Ивана Грозного). Небольшие воспроизведения и старые фотографии показывают, что обе панагии, с преподобным Иоанном и Богородицей, имели оправы во многом сходные с сохранившейся золотой оправой камеи-сардоникса с крылатым Предтечей: квадрифолии-касты с граненым камнем в качестве оглавия, сканая овальной формы оправка, повторяющая форму камня со священным образом, обилие жемчуга, окаймляющего как резной камень внутри оправы (отсутствовал к середине XIX в. на панагии с прп. Иоанном Лествичником), так и внешний ее контур, а также крупные жемчужины вперевивку с

18. *Савва (Тихомиров), архиеп.* Указатель к описанию. С. 6–7. Табл. II. № 10; Вера и власть. Кат. 34. С. 96–97 (с библиографией); *Стерлигова И.А.* Панагии. С. 344.
19. О том, что этот день был отмечен в произведениях иконографии не только на панагии, свидетельствует упоминание иконы с изображением двух этих святых в пядничном ряду московского Успенского собора, в его северной части по описи 1701 г. — РИБ. Т. 3. Стб. 598. Икона была в серебряном басменном позолоченном окладе, с венцами и подписями, исполненными резьбой и чернью.
20. Опись келейной казны патриарха Филарета Никитича // РИБ. 1876. Т. 3. Стб. 914.

самоцветами на оправе, по углам и краям квадрифолия в оглавии. Хотя сейчас на оправе наперсной иконы царя Ивана Грозного, с крылатым Предтечей на сардониксе, жемчуга не так много, во основном лишь на сканом поле, окантовывающие ряды-пронизки не сохранились, в середине XVII в. их было еще 68 «гурмыцкого мелкого ...зерен» (т. е. жемчуга, добытого в Ормуздском, Персидском, заливе), хотя уже тогда жемчужные обниси рассыпались. Появление наперсной иконы царевича Ивана Ивановича в личной патриаршей казне можно объяснить тем, что после безвременной кончины царевича за неимением прямых наследников его личные драгоценности могли перейти в государеву казну и оттуда как подарок или вклад попасть в патриаршую сокровищницу. Скорее всего, именно через патриарха Филарета Никитича икона-панагия царевича Ивана осела в патриаршей ризнице и стала атрибуироваться как панагия Московского митрополита Макария особенно с учетом того, что именно он проводил обряд крещения царевича²¹. Не исключено, что эта «воротная икона» царевича Ивана Ивановича могла поступить к патриарху как дар-подношение от современников: золотую панагию с мощами и миром Богородицы (вероятно, от мироточивой иконы, например, от Пименовской иконы Божией Матери в Благовещенском соборе Кремля) дарила царю Михаилу Федоровичу княгиня Е. Черкасская 17 апреля 7152 (1646) г.²²

Количество драгоценностей в оправе иконы царя Ивана Васильевича с крылатым Предтечей на сардониксе было наибольшим по сравнению с другими наперсными иконами, как теми, что хранились в царских комнатах, так и среди трех панагий, опубликованных М.М. Постниковой-Лосевой. Судя по описи Образной палаты, на сканом «теле» оправы иконы царя Ивана располагались 8 камней, 4 алмаза и 4 самоцвета красного цвета (три лала и один яхонт). Еще 4 красных самоцвета находились на поверхности оглавия вокруг крупного синего яхонта, вероятно, сапфира. Кроме того, оправа и оглавие были отделаны с помощью 11 «гурмыцких зерен» жемчуга, из

21. Эта же атрибуция повторена в изд.: Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропоники. М., 2006. С. 206.

22. Успенский А.И. Церковно-археологическое хранилище. С. 40–41.

них сохранились лишь 4 на «теле» оправы²³. Интересно, что ровно такое же количество «зерен» — 11, правда уже другого качества, но крупных («жемчужных скатных») — было на оправе не сохранившейся наперсной иконы царя Федора Ивановича с яшмовой камеей²⁴. К середине XVII в. она утратила камень в оглавии, но ее продолжали украшать 7 самоцветов — 4 изумруда, 2 «яхонта лазоревых» и лал, все камни имели разные цвета, создавая эффектное многоцветное сочетание²⁵. В описи не упоминается жемчужная обнизь, возможно, она была утрачена или отсутствовала вовсе. Отметим, что наибольшее количество жемчуга было на наперсной иконе царя Ивана Васильевича (68 — по описи Образной палаты) и на иконе с рельефным образом Богоматери Оранты-Воплощения, имевшей, судя по литографии 1863 г., две обнизы, вокруг камеи и по контуру оправы, общее количество жемчужин только в обнизях превышало сотню «зерен».

Типологическое единство московских оправ трех панагий, царя Ивана Васильевича (с крылатым Предтечей), царевича Ивана (с Иоанном Лествичником) и неизвестного лица из царской семьи (с Богоматерью Орантой-Воплощение) может указывать на их близкое по времени создание, скорее всего, на одновременное их изготовление. И. А. Стерлиговой удалось показать, что все три панагии — «воротные иконы» с резными сардониксами — были созданы в одной, московской, царской мастерской, при участии мастера — грека по происхождению²⁶. К ним, прежде всего к иконе с Богоматерью Орантой-Воплощение и иконе царевича Ивана Ивановича, судя по количеству камней, форме оглавия, наличию в уголках оглавия жемчужин, могла быть близка не сохранившаяся икона царя Федора с яшмовой камеей.

Тот же типологический вариант оправы был использован и для других важнейших наперсных икон-мошевигов, имевших значение инсигний. Панагия патриарха Иова была сделана к 26 января 1589 г., ко дню посвящения святителя в сан патриарха, она была поднесена ему царской четой вместе с жезлом (посохом) митрополита Петра,

23. Там же. С. 39.

24. Там же. С. 44.

25. Там же.

26. См. примеч. 12.

первого Московского чудотворца и строителя первого каменного Успенского собора в Москве²⁷. Она имеет похожую на панагию Ивана Грозного (с крылатым Предтечей) форму оправы, слегка овальную, такое же оглавие в форме квадрифолия с крупным едва ограненным камнем в высокой касте-закрепке, сканые поверхности оправы и оглавия, жемчужную обнизь вокруг каменья в центре оправы и по контуру самой оправы, крупные жемчужины во внутренних углах квадрифолия оглавия и в качестве фиксирующих закрепок в местах его соединения с цепью²⁸. Хотя гораздо более историков искусства интересовала византийская камея в панагии патриарха Иова, нет сомнения, что этот раритет получил достойнейшее обрамление в московских мастерских²⁹.

Важным является сравнение стилистических особенностей всех известных золотых оправ для наперсных икон царя Ивана Васильевича и патриарха Иова. Они обнаруживают элементы сходства между собой в использовании техники золотой скани с цветной эмалью. В качестве основного узора на оправе иконы царя Ивана выбран круглый завиток, начинающийся из зеленого листа сложной формы в ракурсе (полупальметты), с красным трилистником внутри и цветными отростками по его краям, то голубыми, то белыми. Похожие зеленые листья, собранные в пучок как основания для вырастающих цветов и усов, присутствуют и на золотой оправе патриарха Иова: они обрамляют золотые касты крупных жемчужин. При этом к кастам самоцветов обращены вырастающие из этих зеленых листьев небольшие, очертанием напоминающие тюльпаны цветы, заполненные темной густо-красной эмалью. Эти цветочные формы аналогичны деталям золотого с эмалью оклада небольшой Владимирской иконы Божией Матери из

27. *Карташев А.В.* Очерки по истории Русской Церкви. СПб., 1992. Т. 2. С. 19–35; *Лифишиц Л.И.* К вопросу о дате создания византийской каменья панагии патриарха Иова // *Образ Византии: Сборник статей в честь О.С. Поповой.* М., 2008. С. 269.
28. *Мишакова (Стерлигова) И.А.* Гемма из панагии патриарха Иова // *ДРИ: За рубежные связи.* М., 1975. С. 45 – 54; *Византийские древности: Произведения IV–XV вв. в собрании Музеев Московского Кремля: Каталог / Сост. И.А. Стерлигова.* М., 2013. Кат. 27. С. 200–203.
29. *Мартынова М.В.* Московская эмаль. Кат. 18. С. 46–47.

Новодевичьего монастыря; на ее полях размещены серебряные дробницы с черневыми композициями Господских праздников (середина XVI в., ГММК)³⁰. На нижнем поле дробницы перемежаются цветочными композициями, вырастающими из эмалевых ромбов, высшей точкой этих раппортов являются подобные цветы-тюльпаны. Небольшой размер оправы иконы патриарха Иова не позволил ювелиру развернуть крупные орнаментальные раппорты, ограничив его лишь короткими участками между плотно посаженными жемчужинами и самоцветами. Сходство орнаментики икона царя Ивана Васильевича обнаруживает с окладом мерной иконы царевича Ивана Ивановича (с образом прп. Иоанна Лествичника и Троицы в оглавии, датированной 1554 г., ныне в ГММК)³¹, с окладом иконы Богоматери Одигитрии Иоасафовской (1557–1560)³² или с окладом Владимирской иконы Божией Матери с композициями Господских праздников на дробницах из Новодевичьего монастыря, середина XVI в. (ГММК). На окладе средника мерной иконы и на всех элементах оклада Владимирской иконы из Новодевичьего монастыря использован общий мотив вьющихся крупных завитков, с чередованием и обращением в разных направлениях трилистников и крупных лилиевидных цветов, покрытых эмалью темно-синего, голубого и зеленого цвета.

Сходство типологии и стиля позволяет предположить, что оправы трех панагий, связанных с семейством Ивана Грозного были созданы или одновременно или находились между собой в отношениях образа и копий. Поскольку панагии были украшены резными изображениями небесных покровителей самого царя (Иоанна Предтечи) и его старшего наследника, царевича Ивана Ивановича (Иоанна Лествичника), скорее всего, панагия с резным сардониксом, с Богоматерью Орантой-Воплощение, предназначалась для женщины из царской

30. Там же. Кат. 15. С. 43–44.

31. Хранился при гробнице царевича в Архангельском соборе: *Мартынова М.В.* Московская эмаль. Кат. 5. С. 30–31; *Она же.* Художественный металл в интерьере Архангельского собора // Архангельский собор Московского Кремля. М., 2002. С. 403–404; *Вера и власть.* 2007. Кат. 37. С. 102–103.

32. *Мартынова М.В.* Московская эмаль. Кат. 6. С. 32–33; *Вера и власть.* Кат. 41. С. 110–111.

семьи³³. Не сохранившаяся икона царя Федора, а позднее панагия патриарха Иова были созданы по тому же образцу, а точная датировка панагии Иова (до 26 января 1589 г.) и предположительная не сохранившейся иконы царя Федора (завершена к 15 апреля 1584 г.) позволяет думать, что три панагии семьи Грозного, опубликованные М.М. Постниковой-Лосевой, продолжали служить образцами для драгоценных икон-инсигний в 1580-е гг. Не сохранившаяся панагия царя Федора с камеей на яшме с образом царя Константина, созданная скорее всего для венчания на царство, дополняет список тех драгоценных икон, панагий, которые в качестве наперсных были сделаны для царствующей семьи.

Интересно, что подобного типа драгоценные иконы, созданные в 1590–1600-е гг., имеют отличия в форме, деталях орнаментики и декорирования самоцветами и жемчугом, по сравнению с рассмотренными выше иконами. Возможно, на работу московских мастеров оказали влияние новые образцы. Известно, что Константинопольский патриарх Иеремия II, приехавший в Московскую Русь летом 7096 (1588) г., прибыл в столицу к 21 июля и преподнес царской чете подарки. Среди них Посольская книга называет золотые панагии для царя Федора Ивановича и царицы Ирины Федоровны. Панагия, подаренная царю, содержала набор первостепенных по значимости святынь: крест Распятия, кровь Спасителя, частицы Страстей — от ризы Господней, копыя, трости, губы, «с которою поили Христа отцом», тернового

33. В качестве рабочей гипотезы можно предложить такую, что панагия с образом Оранты предназначалась для царицы Марии Темрюковны, второй жены Грозного, до крещения — княжны Кученей «из Черкас», в брак с которой царь вступил летом 1561 г., спустя почти год после смерти своей первой жены и матери царицей Ивана и Федора, царицы Анастасии Романовны. Выборы невесты проходили за пределами Московской Руси, должны были учитывать внешнеполитические преимущества. Примечательно, что накануне такого брака в придворных царских церквях были проведены работы по украшению икон драгоценными изображениями (на дробницах) с образами всех святых, в т. ч. и русских «новых чудотворцев» (Дополнения к Никоновской летописи // ПСРА. Т. 13. Ч. 2. С. 330). Возможно, сцена Крещения на обороте панагии с Орантой указывала на новокрещенный статус новой Московской царицы, крестильное имя которой было дано в честь Марии Магдалины (Там же. 333).

венца, «которой жиды клали на Христа»³⁴. Интереснейшим является указание, что в панагию были вложены «три пугвицы от ризы Пречистые Богородицы» — которые можно понимать не столько как часть первоначальной Ризы Божией Матери, сколько как элемент от облочки (чехла, сорочки, «лагалища»?), которая могла соприкоснуться с ней; не исключено, что появление этой святыни в Московской Руси каким-то образом могло повлиять на включение в иконографию Богоматери позднего периода такого элемента как платье по выкройке с каймами и пуговицами. Трудно сказать, откуда могли происходить такие пуговицы, из Святой земли (Иерусалима) или из бывшего Влахернского храма в Константинополе.

Если в золотую панагию для царя Федора были вложены реликвии Страстей и мощи святых, то панагия для царицы Ирины была украшена камеей: «а в ней камень, а на камени вырезан образ святыя мученицы Марины»³⁵. Думается, что эта камея была не византийского происхождения, а поствизантийского или даже европейского. Выбор изображения был связан не с покровительством по имени, а с иными обстоятельствами. Мученица Марина Антиохийская почиталась как победительница демонов, возможно, для царицы Ирины ее изображение могло обладать благожелательными, охранительными свойствами оберега. Кроме того надо учитывать, что среди мощей, подаренных лично царице Ирине, были «мощи святыя мученицы Марины антиохейские»³⁶. Сочетание воротной иконы с образом святой, чьи мощи были также поднесены в дар, должно было усилить ценность подарка.

Возможно, эти иконы-дары патриарха, созданные мастерами в Царьграде (Стамбуле), были выполнены под сильным влиянием восточного, турецкого или персидского, искусства и оказали влияние на художественную продукцию придворных мастерских Москвы. Возможно, при московском дворе к концу 1580-х гг. ведущими стали иные мастера, ориентированные на другие образцы и технологии декора золотых изделий, нежели мастера эпохи Грозного 1550-х – на-

34. Посольская книга по связям России с Грецией (православными иерархами и монастырями) 1588–1594. М., 1988. С. 29.

35. Там же.

36. Там же.

чала 1580-х гг. Во всяком случае, новые золотые наперсные иконы, созданные после 1589 г. для членов семьи царя Федора и для семьи царя Бориса Годунова, — совсем иные по деталям и технологии декора, нежели наперсные золотые иконы царя Ивана, царевича Ивана Ивановича и патриарха Иова. Они меньше размером. В них использованы совсем небольшие, почти крохотные византийские камеи, что заставляет делать поле оправы более широким, а узор — ковровым. На оправе иконы царевны Феодосии Федоровны (около 1592 г., ныне в ГЭ (Илл. 4))³⁷, поля вокруг средника с геммой шире, нежели у иконы царя Ивана Васильевича в несколько раз. Узор, покрывающий их, не структурирован на сегменты или оси симметрии, а покрывает поля сплошь. Его основу составляет похожий на орнаментуку золотых икон и окладов середины 1550-х гг. вьющийся стебель с круглыми завитками и трилистниками, однако линии орнамента не выделены, размеры элементов уменьшились, исчезла эмаль, сильнее проступила черневая графика и следы чекана, из-за которых золотой фон оправы при сильном приближении напоминает ткань крупного плетения, почти холст или рогожу. Камни не имеют каст в виде граненых квадрифолиев или овалов с обводкой в виде сканых цепей или веревок. Оглавие еще имеет форму квадрифолия и украшено по углам жемчугами, однако разделка фона не имеет той четкости и отточенности, которая присуща декору золотых икон семьи Грозного. Интересно, что эта панагия, как и наперсная золотая икона царевича Ивана Ивановича в 1630 г. находилась в патриаршей ризнице Филарета Никитича, тогда она еще имела на оборотной стороне гравированное с чернью изображение на золоте Феодосии девицы³⁸. Икона-ковчежец для ца-

37. *Пятницкий Ю.А.* Золотая панагия внучки Иоанна Грозного в коллекции Эрмитажа // Ювелирное искусство и материальная культура: Семинар: Тезисы докладов участников первого colloquium «Памятники ювелирного искусства и проблемы их изучения и реставрации». СПб., 1996. С. 41–42; *Он же.* Панагия с камеей «Преображение» // Византия и византийские традиции: Сборник научных трудов к XIX Международному конгрессу византистов 19–28 августа 1996 г. СПб., 1996. С. 127–144.
38. *Опись келейной казны патриарха Филарета Никитича 1630, августа 26* // РИБ. СПб., 1876. Т. 3. Стб. 915. Ю.А. Пятницкий в своих публикациях ссылается на архивный оригинал описи: РГАДА. Ф. 235. Кн. 86. Л. 86–88.

рицы Ирины Федоровны 1589 г. уже имела вид не овальной иконы, а иконы-складня прямоугольных очертаний³⁹. Вместо резного камня ее лицевую сторону составляла золотая чеканная икона — Богоматерь с Младенцем на престоле. Квадрифолий оглавия имеет заостренные очертания на концах лепестков, а в цветовом решении основную роль играет сочетание золота и черни: чернь покрывает края оглавия, средник лицевой стороны, фигуру святой Ирины девицы на обороте, внешнюю и внутреннюю рамку средника оборотной стороны, а также угловые и центральные декоративные элементы рамки средника. В декоре этой иконы удивительным образом сочетаются структурность и ковровость, а также европейские и восточные мотивы, что свидетельствует о создании ведущими придворными мастерами, возможно, иностранцами по происхождению и выучке. Самоцветы и жемчуга на лицевой стороне обрамляют образ Богоматери; принцип их расположения и чередования сходный, как и на иконах в овальных оправах, — камни разного цвета и крупные жемчужины перемежают друг друга. Структурность декора закрепляют небольшие золотые бусины в составе жемчужной обнизи: во внешнем контуре их 8, по углам и в середине каждой стороны; во внутреннем контуре 4, только по углам. Благодаря им легко поддается счету мелкий жемчуг в обнизи, на коротких сторонах как правило по 7 жемчужин по каждую сторону такой золотой бусины, на длинных по 9. Во внутренней обнизи число жемчужин обусловлено деталями рельефной иконы, нимб которой не позволил поместить то же количество жемчуга в верхней части, что и в нижней. Структурность и архитектурная конструктивность, отсылающая к европейским принципам декора, в маленькой иконе-мощевике сочетается с восточными мотивами орнамента, которые к тому же выделены чернью. Это усиливает контраст между ковровым золотым орнаментом фона на полях створки с черневой фигурой св. девы Ирины и его выделенными элементами: плетеными мотивами в углах и посередине. Мотив сканых спиралей на этом окладе идентичен такому же мотиву на среднике золотого оклада иконы Богоматери Знамения и не только формой, но сочетанием спиралей разного размера,

39. *Мартынова М.В.* Оклад иконы «Богоматерь Смоленская». С. 326, 331. Ил. 5.

когда крупные завитки на больших участках фона дополняются более мелкими в местах сужения оклада⁴⁰. Мотивы трилистников и спиралевидных завитков использовались вместе в произведениях черневой гравюры по золоту в эпоху царя Бориса Годунова⁴¹. В технике черневой гравюры по золоту создавали и иные наперсные иконы или иконы-панагии, история которых еще ждет своего часа и связь которых с царской семьей, покровительством определенным лицам или событиям не выяснена как например золотая двусторонняя икона-панагия (4.2 на 3.3 см, овал) с черневой композицией Распятия с предстоящими на лицевой стороне и фигурой апостола Акилы на обороте, по сторонам фигуры которого помимо именующей надписи помещена молитва к святому в два столбца, по книжному принципу («ап(с)тле сте акуле мли млта[ми] гда ба да гре//хом оставление одасть дша(м) нши(м)»)»⁴².

Столь же малый масштаб имеют сохранившиеся золотые иконы, сделанные для семьи царя Бориса Годунова или для иерархов по его заказу. Чеканный по золоту черневой растительный узор использован на золотой иконе с топазом- камеей «Николай Чудотворец» и патрональными святыми царя Бориса, князьями-страстотерпцами Борисом и Глебом на обороте. Фон узора проработан чеканом, он не гладкий, касты примитивны по форме, повторяют очертания неограненных камней. Исследователи предполагают, что эта икона была изготовлена для Бориса Годунова после получения им титула намест-

40. Прекрасная сохранность произведения заслуживает отдельного анализа его форм и декоративных особенностей, способных сообщить многое о стилистике как ведущих ювелиров, так и художников, сотрудничавших с Оружейной палатой. Об иконе, в т. ч. о ее окладе подробнее см.: Цицинова О.А. О некоторых иконах из надгробных иконостасов Архангельского собора Московского Кремля // Православные святыни Московского Кремля в истории и культуре России. М., 2006. Ил. 12. С. 143, 145; Зюзева С.Г. Оклады двух кремлевских икон второй половины XVI в. с лицевыми изображениями на полях // Московский Кремль XVI столетия: Древние святыни и исторические памятники. М., 2014. Кн. 2. С. 371–372. Ил. 5.
41. Золотой потир 1599 года, например, см.: Мартынова М.В. Оклад иконы «Богоматерь Смоленская». С. 327, 328, 331. Ил. 6, 7.
42. Инв. МР-3669; Русское золото XIV – начала XX в. из фондов Государственных Музеев Московского Кремля. М., 1987. Ил. 8. С. 34, 188.

ника Казанского и Астраханского в 1591 г. Но по стилю, на наш взгляд, более правдоподобна ее датировка около 1602 г., связь с созданием отдельной Астраханской епархии и предназначения иконы для первого архиепископа Астрахани⁴³. Круглый формат имеет икона с камеей на сапфире «Господь Вседержитель» и черневыми фигурами св. Марии Магдалины и прп. Ксении Римляныни, святых покровительниц царицы Марии Григорьевны и царевны Ксении Годуновых, приложенная сыном царя Бориса, царевичем Федором Борисовичем⁴⁴ (Илл. 5).

В Описи Образной палаты 1669 г. упоминается такая золотая панагия, на лицевой стороне которой была резная гемма — белая яшма с образом Пресвятой Богородицы, на оборотной стороне, сделанной в виде створки («на притворе») были вырезаны и отделаны в технике черни святые покровителя царя Бориса и его супруги, царицы Марии Григорьевны (в девичестве Скуратовой-Бельской) — святые Борис и Мария Магдалина. На золотом фоне разноцветьем сияли драгоценные камни, граненый яхонт (сапфир) в оглавье, красный лал и две «коры лаловых», зеленый изумруд и два синих («лазоревых») яхонта, к «закрепке» (перемычке между оглавьем и золотой оправой панагии) были закреплены три крупных жемчужины, панагия была по краю отделана мелким жемчугом как икона обнизью, в нее были положены мощи, к ней прилагалась сорочка, бархатный кожух-оболочка с вышитыми жемчугом словами и крестом⁴⁵. Что интересно, она была описана в 1669 г. вместе с панагией, в которую была вставлена гемма-яшма с образом царя Константина и фигурами святых Феодора Стратилата и пророка Ермия на обороте.

43. Борис Годунов: От слуги до государя всяя Руси: Каталог выставки в Музеях Московского Кремля. М., 2015. Кат. 30 (авт. опис. — Е.А. Моршакова).

44. В описи Троице-Сергиевой лавры 1641 г. описана как гемма на яшме, икона имела цепь «фряжского дела» — РГБ. Ф. 173. П. 225. Л. 6 (здесь и далее мы цитируем опись по списку, сделанному в 1922 г. гр. Ю.В. Олсуфьевым, М.Ю. Олсуфьевым и С.Н. Дурылиным). Обрат ее известен по литографии середины XIX в., как часть оклада для иконы «Святая Троица» работы Андрея Рублева золотая икона экспонировалась на выставке «Святая Русь: Русское искусство от зарождения до Петра Великого» в Лувре: *La Sainte Russie: L'art russe des origines à Pierre Le Grand: Catalogue*. Paris, 2010. Cat. 229.

45. *Успенский А.И.* Церковно-археологическое хранилище. С. 39–40.

О том, как выглядела оборотная сторона несохранившейся иконы царя Федора, с золотой пластинкой, несущей черневые фигуры святых покровителей его обоих имен (публичного царского и непубличного литургического), дает представление золотое кадило 1598 г., созданное царицей-инокиней Александрой, в миру Ириной Годуновой для вклада в Архангельский собор, усыпальницу московских государей⁴⁶. Это произведение было создано в заключительный период жизни царицы, когда она приняла постриг и, в представлении людей той эпохи, приблизилась к небесному царству. Помимо обязательных композиций моления за род людской, на одной из граней кадила представлены святые покровители семьи царицы Ирины, ее супруга, ее самой и единственного ребенка, дочери. В этом ряду первыми стоят лицом к молящемуся и к Богу небесные патроны царя Федора, св. воин Феодор Стратилат и апостол Ермий⁴⁷, те же лица, что и на оборотной стороне золотой наперсной иконы с зеленой камеей-яшмой. Мастеров, создавших кадило 1598 г., этот шедевр торевтики, по их стилю М.В. Мартынова относит к представителям строгановской школы (Илл. 6).

Обращение к письменным сведениям о не сохранившейся золотой наперсной иконе-панагии с зеленой яшмой-камеей, несущей образ царя Константина, на лицевой стороне и черневыми образами святых патронов царя Федора не могло бы получить правильную, на наш взгляд, атрибуцию без учета исследований о личных именах и почитании небесных покровителей царской семьи. Проводимая исследователями лишь на основе письменных источников подобная работа не может быть полной без исследования и учета сохранившихся произведений искусства с образами святых патронов и покровителей членов правящих семей Московского государства XVI–XVII вв. Эти небольшие произведения, как правило, предметы личной святости или церковной утвари, в силу своего прикладного характера и музей-

46. *Мартынова М.В.* Художественный металл в интерьере. С. 403–404. Анализ патрональных изображений на этом произведении см.: *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* К уточнению имен и дат. С. 64–65.

47. Черно-белое воспроизведение см.: *Мартынова М.В.* Оклад иконы «Богоматерь Смоленская». Ил. 9. С. 330.

ной закрытости, не часто привлекают внимание историков искусства, редко обращающихся к ним при анализе изменений в стиле того или иного периода. Между тем, в силу связи с правящей семьей эти предметы заказывались лучшим мастерам. Изучение их технологических, стилистических, художественных приемов способно наиболее ярко охарактеризовать искусство Московской Руси эпохи позднего средневековья.

Библиография

Борис Годунов: От слуги до государя всея Руси: Каталог выставки в Музеях Московского Кремля. М., 2015.

Вера и власть: Эпоха Ивана Грозного: Каталог выставки в Музеях Московского Кремля / Авт.-сост. Т.Е. Самойлова. М., 2007.

Византийские древности: Произведения IV–XV вв. в собрании Музеев Московского Кремля: Каталог / Сост. И.А. Стерлигова. М., 2013.

Дополнения к Никоновской летописи // ПСРА. СПб., 1906. Т. 13. Ч. 2. С. 304 – 408.

Забелин И.Е. Домашний быт русских царей и цариц в XVI и XVII столетиях. М., 2003. Т. 3: Материалы.

Древности Российского государства, изданные по высочайшему повелению имп. Николая I. М., 1849. Отд. 1.

Зюзева С.Г. Оклады двух кремлевских икон второй половины XVI в. с лицевыми изображениями на полях // Московский Кремль XVI столетия: Древние святыни и исторические памятники. М., 2014. Кн. 2. С. 419 – 431

Карташев А.В. Очерки по истории Русской Церкви. СПб., 1992. Т. 2;

Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006.

Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. К уточнению имен и дат в семье царя Федора Ивановича // ДРВМ. 2019. № 1. С. 61–66.

Лифшиц Л.И. К вопросу о дате создания византийской камеи папагии патриарха Иова // Образ Византии: Сборник статей в честь О.С. Поповой. М., 2008. С. 257–272.

Мартынова М.В. Оклад иконы «Богоматерь Смоленская» и черневая гравюра конца XVI в. // Благовещенский собор Московского Кремля: Материалы и исследования. М., 1999. С. 318–333;

Мартынова М.В. Московская эмаль XV–XVII вв.: Каталог. М., 2002.

Мартынова М.В. Художественный металл в интерьере Архангельского собора // Архангельский собор Московского Кремля. М., 2002. С. 399–431

Маханько М.А. Икона «Иоанн Предтеча Ангел пустыни» конца XIV в. из Коломны (ГТГ) и образ царского ангела в грозненском искусстве // Коломна и Коломенская земля: История и культура. Коломна, 2009. С. 190–229.

Мишакова (Стерлигова) И.А. Гемма из папагии патриарха Иова // ДРИ: Зарубежные связи. М., 1975. С. 45–54;

Опись келейной казны патриарха Филарета Никитича 1630, августа 26 // РИБ. СПб., 1876. Т. 3. Стб. 875–1000.

Опись Троице-Сергиевой лавры 1641 г. – РГБ. Ф. 173. II. 225. (список, сделанный в 1922 г. гр. Ю.В. Олсуфьевым, М.Ю. Олсуфьевым и С.Н. Дурылиным)

Посольская книга по связям России с Грецией (православными иерархами и монастырями) 1588–1594. М., 1988.

Постникова-Лосева М.М. Три камеи Государственной Оружейной палаты // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник, 1975. Л., 1976. С. 222–228.

Пуцко В.Г. Византийский образец в московской иконописи XVI в. // Кадашевские чтения. М., 2017. Вып. 20. С. 198–206.

Пятницкий Ю.А. Золотая папагия внучки Иоанна Грозного в коллекции Эрмитажа // Ювелирное искусство и материальная культура: Семинар: Тезисы докладов участников первого colloquium «Памятники ювелирного искусства и проблемы их изучения и реставрации». СПб., 1996. С. 41–42;

Пятницкий Ю.А. Папагия с камеей «Преображение» // Византия и византийские традиции: Сборник научных трудов к XIX Междуна-

родному конгрессу византинистов 19–28 августа 1996 г. СПб., 1996. С. 127–144.

Русское золото XIV – начала XX в. из фондов Государственных Музеев Московского Кремля. М., 1987.

Савва (Тихомиров), архиеп. Указатель к описанию Синодальной (Патриаршей) ризницы. М., 1863.

Стерлигова И.А. Панагии русских государей XVI столетия с иконами-камеями: К истории искусства глиптики в средневековой Руси // Московский Кремль XVI столетия. Древние святыни и исторические памятники. М., 2014. Кн. 2. С. 332–353.

Успенский А.И. Церковно-археологическое хранилище при Московском дворце в XVII в. // ЧОИДР. 1902. Вып. 3. С. 7–92.

Христианские реликвии в Московском Кремле / Авт.-сост. А.М. Лидов, И.А. Стерлигова. М., 2000.

Цицинова О.А. О некоторых иконах из надгробных иконостасов Архангельского собора Московского Кремля // Православные святыни Московского Кремля в истории и культуре России. М., 2006. С. 136–149.

La Sainte Russie: L'art russe des origines à Pierre Le Grand: Catalogue. Paris, 2010.

Список сокращений

ГММК — Государственные Музеи Московского Кремля

ГЭ — Государственный Эрмитаж

ДРВМ — Древняя Русь. Вопросы медиевистики

ДРИ — Древнерусское искусство

РГБ — Российская государственная библиотека

РИБ — Русская историческая библиотека

ЧОИДР — Чтения в обществе истории и древностей российских

**Unknown Panagia (Pectoral Icon) of the Tzar Fedor Ivanovich:
On the Some Difficulties of Attribution in Contemporary Art History**

Mariya A. Makhanko

PhD in Art History

Ecclesiastical-scientific Centre “Orthodox Encyclopedia”

(Russian Orthodox Church)

Department of Archeology and Art History

mariyamakhanko@yandex.ru

Abstract. The article is dedicated to an unknown artifact of high symbolical level for the medieval Russian Court – a gold panagia – icon of green jasper with the figures of three saints one of which was the saint emperor Constantine the Great. On the back side of it there were two figures in carving and niello – Saint Theodore Stratelates and the Saint Ermios, the Heaven Patrons of Tzar Fedor’s two names (ruled in 1584–1596). This unique panagia (pectoral icon) is known from a Russian Palace inventory of the 17th century. The analysis of this information and its comparing with other known objects of so high a level of the Old Russian applied art and crafts/jewelry allows us to believe that it was very much like some other survived panagia-icons, e.g. that of Tzar Ivan the Terrible (second part of 16th century). Probably, such an artifact was made for Tzar Fedor Ivanovich, son and heir of Tzar Ivan the Terrible, and for the ceremony of Tzar Fedor’s coronation on May 15, 1584.

Keywords: Panagia (Pectoral Icon), Tzar Fedor Ivanovich, Tzar Ivan the Terrible, Tzar Boris Godunov, jewelry, goldsmith, applied art, documentary sources, Moscow Tzar’s Court, patronal saint.